

Олег КУРОЧКИН

Осень в хрустале.

Стихи, проза

**Кемерово:
издательство «Кузбассвузиздат»**

2011г.

Олег
ДУРОЧКИН

ОСЕНЬ
В ХРУСТАЛЕ

СТИХИ
ПРОЗА

ОБ АВТОРЕ

Олег Курочкин – журналист, выпускник филологического факультета Кемеровского государственного университета. Более 30 лет трудится в СМИ. Работал в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Кемерово», «Спортивная газета Кузбасса», «Земляки».

Член Союза журналистов России. Автор трёх поэтических сборников («Излучающими разлуки», 2001, «Студёная медь», 2005, «Отражения», 2006). Член Союза Кузбасских писателей.

Стихотворения

Осень в хрустале

Не бокал разбился на столе:
Это - по вполне земным приметам -
Осень расплескалась в хрустале
Навзничь опрокинутого лета.
Осень расплескалась в хрустале,
Отдаляя нас и это лето
В глубине полуденных аллей,
Там, где преломленье тьмы и света.

* * *

«Ананасы в шампанском!»

Игорь Северянин

Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!..
Век Серебряный – щёголь
И с прононсом parlies...
И вуали, и шляпки,
И полёт мушек шпанских,
И присевшим верблюдом
Пенсне на столе...
Страусиные перья.
Истомлённые взоры
Незнакомок в парче
И парад декольте...

И теснится паркет,
И хмельны коридоры,
И в вишнёвом саду
Отсонал тет-а-тет...
Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!..
Экипажи, ливреи
И возвышенный слог...
И ещё не привычные
К русскому хамству
Мандельштам и Бальмонт,
Северянин и Блок.

* * *

Беспричинной тоски не бывает.
Но тоскливей причине не быть:
Листопадом меня замечает,
А хотелось бы жить и любить...
А хотелось вот так, по-пацаньи,
Мяч в шнуровке и – двором на двор!
Чтобы вновь легконог левый крайний,
То ли Месхи он, то ли «Бобёр»...
А хотелось в чудовищной тайне,
Мимо парты шмыгнув (се ля ви!),
Чуду русому – девочке Тане –
Объясниться невнятно в любви...
А хотелось... Да мало ли? Хватит!
Только времени и рассудить.
Листопадом меня замечает,

А хотелось бы жить и любить!

* * *

Были-небыли были,
Мяли, гнули, ломали.
Мы своё отлюбили,
Мы своё отстреляли.
Мы искали в Шагале
Смысл на пьедестале.
Мы своё отшагали,
Мы своё отыскали.
Мы своё отшумели,
Мы своё отыграли.
Только если б умели,
Мы б давно отмечтали...

* * *

Валерию Архипову

В лесу осеннем стынет тишина,
И каждый хруст пронзителен, как выстрел.
Наверное, сентябрь лето выпил,
До капли осушил его, до дна!
Присяду на берёзовый пенёк,
Достану немудрёную закуску,
И с лесом за компанию - по-русски! -
Он, как и я, сегодня одинок...

* * *

В поясах часовых плутаю,

Продираюсь сквозь небеса.
Я лечу, но не долетаю:
В притяженье виновен сам.
То ли рябью мудрого плёса,
То ли шпильями кедрочей
Держит за душу злая осень,
Утверждает, что я – ничей...
Но ведь я-то уверен, знаю:
Стоит только прикрыть глаза,
Светлоликая и родная
Ждёт меня...
С верой в чудеса!

* * *

А это страшно: падает душа –
Во времена уходит и в пространство.
И разве возвращается из странствий,
Когда о многом думаешь, спеша?
О том, что, как желалось, не сбылось,
Хотя как будто сделано немало.
Судьба ломает нас, и валит валом,
И говорит: «Не вышло? Значит, брось...»

* * *

Вот так: зима шагнула в утро
И не отметила следа
От дня вчерашнего. И мудро
Отринутого в никуда.
И лишь оставила немного:

Улыбку из последних уст,
Несбывшееся и дорогу,
Какой к себе я возвращусь...

* * *

Здесь когда-то грибы паслись
На пригорке среди берёзок.
А сегодня янтарный лист
Опадает в октябрьской прозе.
Вот и я, споткнувшись о жизнь,
От порезов, ушибов, ссадин
Упаду, как янтарный лист,
Бессловесным. Совсем некстати...

* * *

И вновь густеет в сердце грусть,
И всё безумней стали дали...
А вы, случилось, замечали:
Вдруг увядает вишни куст?
Звения струной в немой мольбе,
С неявной глядя укоризной,
Он замирает в тихой тризне
И возвращает нас к себе...
И я сегодня – этот куст,
И я спешу за вешней далью.
Вы – были. Но не замечали,
Как высоко струится грусть...

* * *

А я смолчал...
И в общем не сказал
Про эту боль,
Которая туманит:
Свинец во мне –
В судьбе моей, в глазах –
Из хрупкого арыка,
Что в Афгане...
И ничего
Не надо говорить.
А только лишь
В стакан плеснув горючей,
Взять и ещё раз
Тихо повторить:
За вас, ребята,
Тех, кто замер
В кручах...

* * *

Когда ни здесь, ни там
Душе не до полёта,
Мы платим по счетам –
По Гамбургскому счёту!
Стреноженной душе
Не воспарить наружу:
Ей всё равно уже,
Не лучше и не хуже...

* * *

Когда-нибудь, в неуловимый срок,
Не нотой, а тоскою журавлиной,
И я, поднявшись ввысь наискосок,
Земную твердь отчаянно покину...
И если кто и будет горевать
Меж кривотолков, пересудов прочих,
Так это столик, кресло и кровать,
Да лист бумаги, обнищав без строчек...

* * *

Либо белой, либо красной,
Сколько б ни скользило лет:
Не бывает правда разной,
А у горькой - цвета нет...
А у горькой да полынной,
Что плеснёт тебе в лицо,
Лик случается невинный -
Новобрачной пред венцом...

* * *

Люблю ли я, не спрашивай,
Ведь некому судить.
Любить – сродни бесстрашию,
Страшнее – не любить.
Страшней – привыкнуть к будничной
Безликой суете,
Где в толчее да уличной
Не те вокруг, не те...

* * *

Мне бы остановиться,
А не биться с судьбой.
И с природою слиться,
Что со мной и с тобой.
И остаться наивным,
В детство тихое впасть.
Это ведь очевидно,
Если прожито всласть...

* * *

Мы не подумали о том,
Что надо бы остановиться,
Когда недавно добрый дом
Пахнёт враждебно заграницей...
И незаметна полоса -
Та, что, казалось бы, нейтральна:
Мы ж не любили. А глаза
И судьбы встретились случайно...

* * *

Мы остались в восьмидесятых
На руинах страны большой.
Мы – твои, СССР, солдаты
Сердцем, помыслами, душой!
И не предали мы, не струсив,
Идеалы былой страны.
Но идеями новых русских
Издвательноски пленены...

* * *

Наверное, я не услышал,
Как осень спустилась с небес
На город, на мост, на бульжник,
На реку, на смолкнувший лес.
И рыжим, отчаянно-рыжим
Мазнула сентябрьский денёк...
И понял я: осень. И выждал,
И лето в себе приберёг.
Осколок забытого солнца,
Быть может, согреет, когда
Душа в холода окунётся,
Но зноем дохнут холода...

* * *

Осень коршуном кружится,
Тычется в окно.
Мне б с дождями подружиться,
С ветром заодно.
И, поднявшись в поднебесье
С клинописью птиц,
Оттрубить земную песню,
От себя спастись...

* * *

Перестук вагонный –
Сердца перестук.
Полустанок скорбный:
Пустота вокруг.
Огоньков мерцанье –

Ближких и чужих.
Здесь совсем недавний
Перестук двоих...
О житье-бытье ли,
Больше о былом.
Но сметёт метелью
Этот их излом.
Мне бы с верхней полки
Плюнуть бы на всё:
Без головоломки
Тепловоз везёт.
От судьбы моей ли,
А, быть может, нет.
Медленной метелью
Раздвоился свет...

* * *

Присесть бы на завалинке,
Как в детстве. И опять
Понять, что снова маленький,
И всюду - благодать.
И трелям из скворечника
Резвиться, не стихать.
А злого в стайке дедушка
Прищучит петуха.
В подслеповатой кухоньке
Томится борщ в печи:
Там бабушка с заутрени
Хлопочет и скворчит.

Сочится пыльно радуга
Сквозь ставни, теребя:
Мол, просыпаться надо бы,
Не то - проспишь себя!
Проспал... И нет завалинки.
И деда с бабой нет.
И я давно не маленький,
И белый свет - не в цвет...
И сам кому-то дяденька,
И сам кому-то дед...
В судьбе моей проталинки
От непослушных лет.

* * *

Убегаю от одиночества,
А оно по пятам - за мной.
Называет меня по отчеству,
Обнимает: "Любимый мой!"
Мне не нравятся ласки стылые,
Мне не нравится говорок...
Только где вы, женщины милые
Со стыдливостью недотрог?
Недопитые, недопетые,
Отбродившие бабий век?
Потому и бегу по свету я -
Неприкаянный человек...

* * *

Уйти, а после возвратиться

Неслышно, как полночный тать.
И на прокуренных страницах
Судьбы – себя дорисовать.
Того, кем был я изначально
И непридуманно любим,
Где был собой, а не случайным
И не пугался быть самим.

* * *

О, дай мне, Бог,
Не замутился б разум,
И мысли б осветлённые текли...
И чтобы роты маршевые разом
Внезапно под обстрелом не легли!
Да только это, вроде, сон приснился.
Да только это, вроде бы, кино:
И перевал огнём не оскалился,
Хоть после титров – в ранах полотно.
Экрана... Там, где маршевые роты,
Ушедшие тогда в небытиё.
Былое нас сдвигает в то и в то-то,
А, может, в сердце тихое моё...

* * *

Хочу когда-нибудь нечаянно
В час неурочный ли, в любой,
Нырнуть в бассейн, а после - в сауну
И обручиться там с тобой!
И, задыхаясь от кипения
Эмоций, свойственных двоим,

Понять, что вот оно - спасение:

В грехе, который не был им...

* * *

Я выплюнул свинец

Из злого автомата.

И оказался там

Живее всех живых!

А в рукопашной

И совсем некстати,

Я вспомнил Лермонтова

И, конечно, их,

Тех самых, кто

За матушку-Россию,

И в словесах,

А чаще – со штыком,

Грудь разрывал,

Взрывая вражью силу,

И в поднебесье

Уходил потом...

А нам-то,

Не ушедшим в небеса,

Погон не растерявшим,

Как и чести,

Осталось смерти

Посмотреть в глаза.

А вот за жизнь

Сцепиться с этой смертью...

* * *

Я сердце рву, лишь вспомнив о войне.
О той, Великой, что застыла в плитах,
Где не случилось быть тебе и мне,
А вот она из нас в любого влита!
Пойди и беззаветно поклонись
Любому имени, где полтора-то слова.
За всё, что есть, за эту нашу жизнь,
И чтобы ЭТО не случилось снова...

* * *

Я из другого поколения.
Я из другой совсем судьбы,
Когда пред дамой на коленях
Почтенно преклоняли лбы!
Когда не подличали в спину,
Чтобы затем в глаза польстить...
Где даже в страшную годину
Всегда бывала честь в чести!
Горжусь, что прошлого не предал
И корень древа уцелел,
Ведь два "Георгия" у деда,
И прадед - русский офицер...

* * *

Азь есмь... Перелистав века,
Я в век Серебряный уткнусь нежданно.
И там, из прошлого, издалека,
Шагнут навстречу строки первозданно!

Я их узнаю и смахну слезу:
Вот он, Бальмонт, и Блок, и Северянин!
И душу безысходную спасу,
Рискнув признаться в сгорбленном прощанье,
Что попросить прощенья не успел,
В глумливом веке не восстал злословью,
Не потому совсем, что не хотел,
А оробел...
И захлебнулся кровью!

Проза

ЛЕГЕНДА О СИНЕМ КРАБЕ

Существует легенда, согласно которой человек, нашедший Синего краба, счастлив. И не просто счастлив (в привычном понимании этого слова), счастлив от самого прикосновения к тихой тайне - легенде о Синем крабе...

Когда я говорю об этом, мои знакомые сочувственно прячут ироничные улыбки, отворачивают в сторону насмешливые взгляды: вполне практичные, трезвые люди, они не понимают либо не хотят понять правдоподобность услышанного, не говоря уже о том, чтобы в это поверить.

Признаться, было время, я тоже в этом сомневался: жил и во мне этакий колючий холодок недоверия, множивший отрицание, казалось бы, устоявшихся истин, распускавший болезненные цветы сомнений и боязливые побеги признания самому себе в том, что так бывает и даже должно быть.

Впрочем, дух отрицания тем и хорош, что порождает в конечном итоге утверждение. Надо лишь захотеть увидеть невидимое, неразличимое, приблизиться к нему на расстояние поцелуя, и тогда поверженный скептицизм выбросит белый флаг бессилия, и человек, потрясённый СВОИМ открытием, поверит в нескончаемую легенду о Синем крабе, которая существует и согласно которой человек – счастлив!

* * *

... Лето истекало зноем, забивавшимся в самые глухие уголки аккуратного южного городка, затапливая истомой улочки и булыжные тротуары. Соскальзывая, карабкалось оно на скалы, угрюмо нависавшие над морем, дышало тяжело и, казалось, безуспешно смахивало с раскалённого берега капельки усталого пота...

Но море оставалось морем. Распустив солёный парус свежести, подкатывало оно к скалам и, словно сожалея о невозможности пристать к ним, убегало обратно – к подкрашенному лазурью горизонту.

В солнечной воде у скал копошились бронзовые ребяташки. Они были так увлечены своим занятием, что даже не заметили подошедшей

девочки в белом с горошинами платье. Пока один из них, явный заводила в вылинявшей тельняшке, с жёсткой копной рыжих волос (он обернулся от её любопытного взгляда, как от толчка в спину), не спросил с нарочитой суровостью:

- Чё уставилась?

Мальчишки повернули головы – кто с интересом, а больше с досадой: кто такая? – придирчиво резюмируя: ничего особенного...

Девочка, прикусив нижнюю губу, смутилась и потупила взгляд. Она и впрямь была «ничего особенного», к тому же с личиком, щедро обрызганным смешным дождиком веснушек, доводивших её порой до отчаяния и горьких слёз от такой большой несправедливости. В её серых глазах (к слову сказать, замечательных – «миндалевидных», как говорила мама) качнулся парусник обиды от злой фразы лохматого мальчишки, и она чуть слышно произнесла:

- Покажите мне, пожалуйста, краба...

- А ты откуда знаешь, что мы крабов ловим? – меняя тон, изумился лохматый, поднимаясь с камней. Он оказался пониже ростом, но ладно сбитым пареньком.

Девочка улыбнулась:

- Да вот знаю...

- Следила за нами, что ли? – сбитый с толку рыжий уже овладел собой, придумывая, как бы поскорее избавиться от непрошенной гостьи. Но смутился сам, встретив прямой девочкин взгляд, в котором тихая просьба смешивалась с мольбой и ещё чем-то, чего объяснить он не мог, ибо было что-то недоступное его мальчишескому пониманию в этих широко распахнутых глазах. И он, опустив голову, небрежно пнул ногой садок, из которого вывалилось несколько живых, грозно цепляющихся друг за друга комочков. – Ладно, валяй – смотри. Только быстро – некогда нам...

Девочка живо наклонилась, внимательно разглядывая крабов.

Мальчишки, потерявшие к ней всяческий интерес, продолжали с восклицаниями возиться в воде, и лёгкие молоточки волн постукивали по их загорелым коленкам. Только лохматый, снисходительно возвышаясь над добычей, всем своим видом показывал: ну, салага! – не случайно гордясь своим рыбацким происхождением...

Девочка подняла раскрасневшееся лицо, и ему показалось, что огорчённо дрогнули даже её веснушки:

- Это не те... Мне нужен Синий краб!

- С-и-и-ний? – присвистнул мальчишка. – Во даёт! Да ты чё, с Луны свалилась? Таких крабов и не бывает вовсе!

Лохматый рассердился на эту странную девочку: мало того, что время отнимает (мамка опять ругаться будет, что опоздал на базар...), так она ещё всякую чепуху мелет – краба ей синего подавай! И он крикнул вслед уходящей девочке:

- Трави помалу отседова, салага!

Девочка даже не обернулась.

* * *

Если спуститься вниз по Старой улице, упирающейся в заброшенную пристань с провалившимися наполовину в воду стропилами и мостками, полуистлевшими столбами некогда добротного сооружения, в эту скорбную гавань уныло присмиривших рыбацких баркасов и прогулочных лодок, то по еле заметной тропинке, затерявшейся среди рыжих кустарников и плоских камней, можно подняться на рослую тяжёлую скалу с неожиданно открывающимся отшлифованным плато. Отсюда, как на ладони, весь городок со своей незатейливой архитектурой.

В воздухе густел вечер. Всё ниже наклонялось небо со свинцово-тяжёлыми прожилками туч, и лишь от уставшего за день солнца, которое медленно погружалось в море, пылал необыкновенно подсвеченный горизонт. Шелестящее море, словно «SOS», посылало берегу свои пурпурные волны...

Не отрывая взгляда, до режущей боли в глазах всматривалась девочка в чарующую своей прелестью даль. И лёгкий бриз, прильнувший к её телу, робким островкам на груди, стройным загорелым ножкам, нежно шевелил чебурашистые волосы, волновал своей тревожной свежестью, обещая что-то необычное, таинственное, светлое...

Девочка даже зажмурилась от восторга, представляя, как в пурпурном закате блеснёт силуэт белого – непременно белого! (чтобы быть

замеченным) – скользящего парусника. А на его палубе, как у Александра Грина, будет стоять ОН. Её Он, такой большой и сильный, как старший девочкин брат.

* * *

С этого приезда брата всё, собственно, и началось.

Брат – будущий штурман – нагрязнул домой неожиданно. Просоленный ветрами многих морей, он рассказывал дивные истории, и девочкины глаза округлялись настолько, что он, смеясь, обрывал свой рассказ и говорил, что ей пора уже спать, оставляя самое интересное на завтра. Но девочка так умоляла его, что устоять перед её «пожалуйста» было невозможно...

Он уехал, подарив ей чудесную книжку, на обложке которой милостивая девушка простирала руки навстречу кораблю с алыми парусами, и в последнюю минуту раскрыл свою большую ладонь с маленьким значком, изображавшим Синего краба. «Талисман, приносящий удачу», - пояснил он.

Ночами подолгу горела лампа в её угловой комнате: девочка перечитывала ТУ книгу, не переставая восхищаться честными и мужественными людьми, густо населявшими повесть удивительного писателя.

После чтения она засыпала с трудом и видела тёплые цветные сны, в которых (о, если бы только знала мама!) она часто видела себя стоящей на палубе великолепного парусника, и не хрупкую Ассоль - её! – целовал большой и сильный капитан Грей. Девочка просыпалась взволнованной, и ей казалось, что она ощущает тревожнейший аромат поцелуя, застывший на её губах.

* * *

Море уже не было пурпурным – оно мрачнело, шевеля белыми вихрами волн: беспокойных, тяжёлых, даже враждебных.

Девочка вздохнула: ЕЁ корабль опять так и не потревожил гладко выструганную гладь горизонта, чуда не произошло... Сутулясь, едва не плача от Несбывшегося и в этот раз, девочка уходила всё дальше и

дальше, растворяясь в сумраке вечера, чтобы завтра снова прийти на эту скалу.

* * *

Шли годы. Неуклюжая девочка стала стройной привлекательной девушкой. Она жила уже вдалеке от моря, но поблизости с детством, подаренным ей «Волшебником из Гель-Гью». Она так и не нашла живого Синего краба (да и бывают ли они вообще, такие СИНИЕ?), но открыла для себя множество более серьезных вещей, хотя та легенда жила в ней всё это время, и поиск Синего краба продолжался. Именно в силу этого она упрямо отвергала варианты случайного счастья, предлагаемые жизнью, пока... Пока однажды отчаянно (пожалуй, впервые и по-настоящему) не отважилась подарить своего Синего краба...

А он оказался совсем не большим и не сгустком красивых пружинистых мышц – обыкновенным. И не капитаном с облитым мужеством морских ветров лицом – человеком, больше доверяющим земной тверди. И импульс Счастья – первый поцелуй – коснулся её губ не на танцующей палубе парусника, а под парусом густого орешника в одном из скверов (важно ли какого?) обычного сухопутного городка.

* * *

Существует легенда, согласно которой человек, нашедший Синего краба, счастлив. И не просто счастлив (в привычном смысле этого слова), счастлив от самого прикосновения к этой тихой тайне.

...Я к этой тайне прикоснулся.

НИНКИНЫ ДОЖДИ

(Новелла)

- Нинкины дожди, тихо произносит кто-то за моей спиной. Я оборачиваюсь. Высокий парень, сказавший это, не отрываясь, смотрит в окно троллейбуса...

- Ты что-то сказал? – сухо спрашивает его красивая молодая женщина. Жена, судя по солнцу, блеснувшему на её руке.

- Ничего особенного, - говорит он, беря авоську в другую руку. – Просто мысли вслух...

Женщина усмехается: ей, видимо, понятен смысл услышанного. И мне запоминается её чувственный рот с потухающей улыбкой.

* * *

... А дождь, между прочим, был обыкновенным – холодным и злым. Таким, каким он бывает всегда в нашей необыкновенно рыжей осени. И всё-таки дождь был... Нинкиным.

Помнится, я пытался усомниться в этом. Утверждать подобное казалось мне нелепым, даже абсурдным. И в самом деле: разве дожди могут принадлежать отдельным людям?

Конечно, нет, если рассуждать здраво. Но вот что удивительно: едва мне вспоминался троллейбусный эпизод, как кажущаяся абсурдность начинала таять, приближая меня к пониманию странных этих Нинкиных дождей. Поэтому я сейчас не удивляюсь, более того, уверен: в жизни у каждого из нас бывают свои дожди. То короткие, как радости, то долгие, как разлуки. Не удивляюсь, потому что научился слушать дожди. И, кажется, даже понимать их.

* * *

Я представляю, как это могло быть...

Полночь. Полуосвещённая танцплощадка. Засыпающие звуки оркестра. Ленивые движения танцующих. И вдруг – дождь, озорно вбегающий на танцплощадку! Крики, девчоночий визг.

Десятиклассники – врассыпную. Только где там! Разве спрячешься от задиристых капель дождя?!

... Они стоят под зонтиком старой сосны. Им хорошо стоять вот так, вдвоём, ощущая молодое тепло прикосновений друг к другу.

- Нина, - выдыхает он, и Нинка видит его серьёзные глаза. Настолько серьёзные, что ей становится не по себе. И тогда она торопливо шепчет:

- Помнишь, я обещала открыть тебе мой маленький секрет?

Он замирает. Он ждёт, этот чертовски приятный парень.

- Ты знаешь, я коллекционирую дожди! («Глупенький, - думает Нинка, - зачем признаваться в том, что нам обоим известно?..»).

- Может, ты ещё увлекаешься конфетными фантиками?

- Да нет же, я серьёзно. Понимаешь, дожди бывают разными. Неужели ты ни разу не замечал? Они то светлые, то серые. Надо только хорошенько видеть их...

- Я люблю тебя, Нинка!

... Ну что ты отворачиваешься, юный, застенчивый от счастья, дождь?

- Бежим!

- Подожди, у меня, кажется, сломалась босоножка!

- Это пустяк, Нинка!

- Чудик, вокруг же люди... Ой, мамочки, уронишь!

- Держись крепче, рыжик!

... Весёлый дождь тонко шлёпает по лужам, легко, как паутину, разрывая тучи.

* * *

- Я напишу. Сразу же, как приеду в воинскую часть. А ты... Ты теперь собирай улыбки, которые я буду присылать тебе в конвертах.

... Слякоть. Зябнут печальные листья. Старческий кашель дождя.

- Нинуля, привет! Ты отчего такая кислая? Приходи сегодня в семь – будут шикарные мальчики («Опять получил наряд вне очереди –

опоздал на вечернюю поверку. Сейчас драю пол в казарме. Полезная, между прочим, вещь...»).

- Так ты придёшь, кисуля? Кстати, тобой очень интересовался Эдик. Помнишь его? («... Кажется, я тоже увлёкся дождями. Странно, но я их начинаю понимать...»).

... Дождь теперь не просто струится на асфальт. Падая, он быстро гасит свои легкие парашютики.

- Ну и дождь, Нинка! Колючий такой. Вот и люби после этого грозу в начале мая!

- Что ты, Света, по-моему в нём очень много солнца («Как и в тебе, далёком, - хочется добавить Нинке, - без чьих улыбок мне очень холодно и одиноко...»).

* * *

- Нинель, вы мне нравитесь («Ты просил меня собирать твои улыбки... Но для чего? Чтобы однажды я их сожгла дотла, а дождь, плачущий за окном, потушил их?»).

- Мне кажется, Рубенс, создавая тип своей женщины, ошибся в выборе натурщицы. Если бы это были вы, Нинель...

- А вы, оказывается, циник!

- Ну что вы, к чему так утрировать? Впрочем, если хотите, счастье делает человека циничным.

- Вы уверены в этом?

- Не я. Так сказала Франсуаза Саган в одном из своих романов. Ну-ну, не сердитесь, милочка... Хотите кофе с коньяком? Попробуйте, это же божественный напиток!

- Благодарю. Но мне уже пора... («Интересно, а что коллекционирует его жена? Ну, конечно же, не дожди. Наверное, что-нибудь более материальное...»).

- Нинель, умные люди говорят, что действительность – задача со многими неизвестными, и все они верны. Ливень – это действительность. Слышите, как он юродствует? Так что *festina lentae*, как любили говорить древние, «спешите медленно»...

... Чёрный дождь в чёрной полночи. Он обжигает воспоминанием.

* * *

- А, Нинка! Как живёшь-можешь? Что, Эдик? Говорят куда-то уехал...
Неужели летний дождь может так больно жалить? Наверное, может.
... Я представляю, как это могло быть.

Нинка идёт под дождём и смахивает с лица капли, странно солоноватые на вкус. А, может, ей это только кажется и дождь обыкновенный? Но вот ломается об асфальт его последняя строчка. Выглядывает солнце. И Нинка, вздохнув, прячет очередной дождь в свою сумочку. Потом долго разглядывает своё отражение в витрине, до блеска начищенной дождём...

Я не знаю, для чего. Может, для того, чтобы просто улыбнуться солнцу.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

(Этюд)

ТЫ ПОМНИШЬ декабрь? Один из тех вечеров, грузно осевших на город, застывший в каком-то странном оцепенении? Окно, расплавленное тьмой, на котором особенно отчётливо вырисовывались причуды зимы?

Мы сидели с тобой вдвоём, и я ощущал, как сдержанный лучик твоего дыхания щекотал мне лицо и, проникая внутрь, заполнял холодок недавнего одиночества... Иногда он смущённо замирал, словно боялся дотронуться и разбудить чуткие нотки моей души, которые, впрочем, уже были разбужены, потому что на твоих коленях открывался клад – неисчерпаемый клад человеческого творчества.

В миниатюрных репродукциях, рискуя выплеснуться наружу, пульсировала, пытаюсь поведать о многом, живая мозаика жизни. И мы с тобой, перешагнув порог сегодняшнего вечера, вдруг неожиданно оказались возле лесной осенней речки, заблудившейся среди застенчиво пылающих осин. Среди чистой, непорочной тишины, которая зябко вздрагивала, когда мы задумчиво брели по взволнованно дышащим листьям. Пока сквозь поредевший кустарник не вышли к дремлющему озеру, на берегу которого, быть может, был последний приют васнецовской Алёнушки... Но озеро молчало, по-видимому, и не думая посвящать нас в свои тайны. Молчали и мы, с грустью провожая судорожно цепляющийся за деревья болезненный закат, чьи багряные капельки звонко скатывались в озеро, которое, наполняясь до краёв этим светом, жарко вспыхивало нездоровым румянцем...

И вдруг мне вспомнились другая осень, другой вечер и другое озеро. Вспомнились так зримо, будто время энергичным кивком переменяло кадр бытия.

... НЕГРОМКО переговаривались вечерние волны, судача о холостяке-баркасе, дремавшем на привязи, как старый добродушный пёс. Иногда они подкрадывались к нему вплотную, а затем, словно завидев известного им озорника, по-девчоночьи прыскали и, отбежав в сторонку, начинали заново шушукаться.

Но баркасу было не до них, потому что с ним был Человек. Тот самый, с которым он не встречался много лет. Человек неторопливо курил, и было непонятно, от чего он морщится: то ли от горького дыма, то ли от неприятных воспоминаний.

Баркас хоть и был немолод, но его стариковская память цепко удерживала многие детали неиссякаемой жизни. И пусть он, мечтавший когда-то доплыть до моря, но так и не познавший полёта на крыле большой волны, теперь в одиночестве коротал свой век, он был всё-таки мудрым и, как все старики, любил воспоминания.

И вот на экране его памяти вспыхнула осень, которую баркас увидел в мотыльковом платье на гибкой фигурке девушки, а рядом с нею стройного юношу. Они бежали к пристани, взявшись за руки, и что-то весело кричали, а ветер, балуясь с ними, срывал с их губ нездешние слова и относил их в сторону, разбрасывал, как отгорающие осенние листья.

Баркас плохо понимал человеческую речь, но ведь, чтобы прочитать строки любви, совсем необязательно знать какой-либо язык, потому что любовь на любом наречии звучит одинаково – светло и проникновенно.

И он, тогда свежепросмоленный и ладный, согреваясь теплом их горячих чувств, задорно заскользил по тугим волнам, поддавшись общему настроению, и закатное солнце, щурясь, тянулось к этим людям своими розовыми лучами, словно завидовало их бесшабашной игре. И он, баркас, был нескончаемо счастлив, как художник, пишуший мазками собственного сердца и, наконец, ожививший оледенелость холста!

Но вот надломился, задев горизонт, запоздалый луч солнца, гуще полился туман, и юноша с девушкой, в последний раз рассыпав эхо над озером, ушли. Как уходят, чтобы возвратиться. И потому – не прощаясь.

А баркасу не спалось. Почему-то вдруг вспомнилось лето, и особенно отчётливо – небольшие катера, частенько заглядывавшие на озеро в поисках свежей волны...

Конечно, где ему, баркасу, было соперничать с бойкими элегантными гостями, которые, правда, истратив запас горючего, превращались в пустые металлические посудины... Впрочем, ненадолго.

Однажды баркас разговорился с одним из них.

- Ты неправильно живёшь, баркас, - самодовольно улыбался катер. – У людей есть хорошая поговорка: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе...». Зачем тебе море с высокими волнами? Разве их недостаточно в озере? Были б только волны, а какие – большие или малые – по-моему, безразлично. Так-то, старик!

Баркас так и не осмелился возражать, подавленный блеском катера. А тот, небрежно кивнув ему, бросился вдогонку за очередной убегающей волной.

Да, он смалодушничал тогда, но ни время, позднее жёстко подтачивавшее его, ни волны (иногда тяжёлые, чаще легкомысленные), липнувшие к нему, не могли расщепить его мечту о светлом полёте на крыле большой волны. А эта встреча с юностью, просвеченной счастьем, лишь только перелила его мечту в действительность и, отвердевая, ещё более укрепилась в нём.

Но прошёл месяц, другой, третий. Затем годы замелькали, как кинокадры, а юноша с девушкой больше не приходили. И баркас временами забывал о них. Он заметно отяжелел, начал рассыпаться, подтекать. Летом у него рассыхались борта, всё труднее становилось сопротивляться упрямым волнам. И когда казалось, что он вот-вот дрогнет, ярко вспыхивала мечта и, наполняя его дрожащим светом, вливалась в него жизнь...

И ВОТ ТЕПЕРЬ с ним был человек, с которым они не встречались столько лет. Тот самый юноша из той далёкой осени, теперь взрослый мужчина. О чём он думал, обжигаясь сигаретой? И почему он был один, без той девушки в мотыльковом платице? Баркасу мучительно хотелось задать ему эти вопросы, но ведь он не умел говорить по-человечьи...

Так они и молчали, думая каждый о своём. Один, может быть, о высокой волне, до которой уже не доплыть, другой – о девушке, оставшейся в далёкой осени.

Наконец человек неспешно докурил сигарету, и черноголовый окурок стремительным мальком окунулся в налетевшую волну. И тотчас, как в кинозале, ослепительно брызнул свет, потому что последний кусочек живой мозаики скользнул по кромке твоих коленей и растаял, как слово, которое мы произносим лишь раз в жизни...

НАШИ ВЗГЛЯДЫ встретились. Твои глаза, чуточку завьюженные, казалось, молчали, если бы не частая рябь рыжей печали, набегавшей стремительно и горячо. Да, они молчали, твои глаза. Глаза, от которых, говорят, ведёт дорога прямо к сердцу.

Что ж, может быть. А пока сюда, на светлый огонёк, бился за окном, поскуливая декабрьский вечер. Так иногда скребётся щенок, которому очень и очень одиноко...